

Список источников

1. Михайловский, В. С. Политологический неомарксизм: история, методология, теория / В. С. Михайловский. – Минск : РИВШ, 2017. – 204 с.
2. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри ; под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
3. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Культурная революция, 2006. – 559 с.

*А.Л. Стризов, доктор философских наук, профессор
ВолГУ (Волгоград)*

ФЕНОМЕН «MANAGEMENT LAG» И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Анализ процессов распространения и освоения обществом современных технологических инноваций, а также опыта осуществления мер по цифровизации разных сторон и сфер социальной жизни поставил вопрос о тенденции к отставанию реакций органов власти и управления на происходящие изменения, на новые потребности граждан, связанные с ними. Эта тенденция получила в литературе название «management lag» [3, с. 10].

Классическим примером политического «management lag» является ситуация, возникающая в процессе политической модернизации и описанная С. Хантингтоном: «темпы социальной мобилизации и роста политической активности населения высоки; темпы политической организации и институционализации низки... Важнейшая проблема политики – это отставание в развитии политических институтов сравнительно с социальными и экономическими изменениями» [4, с. 24–25]. В этой связи возникают вопросы о специфике политического «management lag», об особенностях того политического контекста, в котором проявляет себя этот феномен, а также о роли политической теории в контексте его существования.

Характеризуя специфику изменений социальной среды, создающих ситуации, требующие политического вмешательства, обратим внимание на многообразии размерности этих изменений и проницаемость границ между различными форматами их протекания. Прежде всего, выделим темпоральное измерение, политическая специфика которого состоит в форматах, требующих различной быстроты ответа на полученный вызов. В одном случае это может быть формат моментальных властно-управленческих реакций (несколько часов или дней), в другом – формат, дающий время для маневра и выбора варианта публично-политического реагирования (несколько недель), в третьем – позволяющий разработать и реализовать систему воздействий

на ситуацию в обществе в целом (несколько месяцев). Если темпоральность социокультурных или хозяйственно-экономических изменений, чаще всего, близка к последнему формату, существенно уменьшающему шанс управленческого отставания, то политические решения требуют способности действовать в каждом из трех выделенных, выбирая приоритетный по быстроте вариант ответа на вызов, наиболее значимый для власти.

Вторым измерением социальных процессов, выступающих объектом политического управления является нормативное, в котором можно выделить социокультурный формат протекания, требующий косвенного воздействия «мягкой силы», легальный, административно-правовой формат, подчиняющийся силе сложившихся норм и институциональных организаций, а также чрезвычайный формат, в котором властью создаются нестандартные нормы и правила «ad hoc» и принимаются решения, адекватные исключительности ситуации. Единство в политике формального и неформального, нормативного и девиантного усложняет политический выбор, затрудняя достижение его своевременности и адекватности. Третье – пространственное – измерение социальных трансформаций, фиксирующее как масштаб политических ситуаций, так и масштаб воздействия на них, достаточно хорошо изучено в политологии. В силу этого ограничимся замечанием о том, что определение этих масштабов и своевременность политического действия, адекватного им, ограничиваются единством явного и латентного в политике, а также проницаемостью границ локальных политических пространств.

Важнейшим фактором, влияющим на своевременность и адекватность политических реакций, является качественная неоднородность социальной реальности, выступающей и объектом политики, и средой ее реализации. С одной стороны, политик встречается с объективными по своей природе стихийно протекающими социальными процессами, которые можно так или иначе корректировать, но не кардинально изменить. С другой – с субъективно созданными, сконструированными, организованными процессами и кампаниями, в значительной мере поддающимися рациональному управлению. Это требует от политика решения специфических задач: способности различать две эти стороны социальной реальности, а также конструировать стратегию действия, сочетающую приспособление к реальности с ее качественным преобразованием. Все это требует не только знаний и опыта, но и времени.

Наконец, как и всякая социальная активность, политическое действие, отвечающее на внешние вызовы, требует субъекта зрелость которого соответствует сложности стоящих перед ним задач. Определяющую роль в формировании и функционировании субъектов политики в современных обществах играет политическая элита. Как было показано, своевременность

и эффективность политического реагирования определяется способностью его субъекта к оптимальному выбору. Однако именно здесь, в сфере определения элитарных целевых ориентаций в постсоветских обществах в последние десятилетия происходят неоднозначные процессы.

Обобщая результаты многолетнего исследования российской элиты (2008–2015 гг.), Е. Б. Шестопап указывает на ряд признаков несоответствия качеств представителей элиты изменяющимся социальным условиям. Это несоответствие проявляется, в частности в том, что «мышление практически у всех политиков не имеет рефлексивного и стратегического характера. Это чаще всего ситуативное восприятие, позволяющее только бесконечно “тушить пожары”». Представители элиты «неплохо справляются с задачами в спокойной обстановке, но совершенно не эффективны и растеряны в ситуации конфликтов, нестабильности, неопределенности». Среди них наблюдается «резкий дефицит психологических типов, способных не только исполнять указания начальства, но и проявлять инициативу», «неумение и нежелание отстаивать национальные интересы; отсутствие у ряда представителей элит приоритета государственных интересов над личными» [5, с. 39]. Эта характеристика во многом объясняет возникающие сомнения в своевременности и адекватности решений современной элиты.

Наряду с эмпирически данными условиями распространения феномена политического «management lag» существуют и теоретические условия. Было бы логично предположить, что отставание в ответных практически-политических реакциях связано с отставанием в области теории. Однако не только в социологии, но и с политологии исследователи говорят о «забегании методологического развития», создающем ситуацию, когда теоретические результаты «оказываются не вполне адекватными, так как круг приоритетной исследовательской проблематики в рамках этих подходов выглядит достаточно далеким от реальных политических проблем» [1, с. 170]. Подобная «теоретическая избыточность» в социологии и политологии может быть оправдана развитием «в запас», подготовкой «заделов» для решения научных проблем будущего. Недостаточность связи политической теории и практики, как один из факторов политического «management lag», может быть объяснена «дефектами» самого механизма их связи, несовершенством способов обоснования истинности политических теорий.

Традиционное деление существующих политических теорий на дескриптивные и нормативные исходит из того, что первые для своего подтверждения используют процедуру измерения реально протекающих процессов, в то время как вторые строятся на интерпретациях и контекстных объяснениях, то есть на толковании философских и политико-правовых концепций. Однако для решения задач трансформации политической теории

в политическую технологию и обоснования принятия конкретных решений важны не столько сами измерения, сколько прояснение того, насколько измеряемый процесс затрагивает сложившиеся институты, политическое поведение и оказывает системное воздействие на политическую ситуацию и общество в целом. С другой стороны, герменевтика текста при всем своем значении не может заменить герменевтики практических действий, глубокого понимания конкретных политических ситуаций. Трудно согласиться с теми, кто видит выход в дальнейшем развитии теории рационального выбора. Заимствуя из экономики и перенося на политику модели утилитарной рациональности экономического поведения и рыночного выбора, сторонники этого подхода явно недостаточно учитывают социокультурную и антропологическую детерминацию политического действия, делающих выбор в политике часто гораздо более иррациональным, традиционным и ценностно обусловленным.

Соглашаясь с Т. Иноуги в том, что «нормативная политическая теория привязана к контексту». [3, с. 138], а также с мыслями К. фон Байме о связи научных истин нормативных теорий в политической науке с практическим опытом, культурой, конвенциями, мы предлагаем расширенное толкование их связи с политической практикой. Во-первых, это предполагает понимание контекста политической ситуации в ходе ее комплексного анализа: политико-правового, социокультурного, социально-психологического, ментально-когнитивного. Пространство герменевтического истолкования в этом случае существенно расширяется. Во-вторых, новые горизонты понимания политической ситуации могут быть достигнуты на основе использования глубинного интервью и фокус-групп. В-третьих, истинность нормативных моделей, описывающих политическую ситуацию может быть зафиксирована в ходе исследования как конкретных практик правоприменения, так и всего процесса реализации права в том или ином локальном политическом пространстве.

Повысить своевременность и адекватность политических ответов на вызовы стремительно изменяющегося общества далеко не всегда можно на пути создания и использования новых теоретических моделей. Операционализация существующих версий политических теорий в сочетании с глубоким и комплексным анализом наличного политического опыта позволяет уменьшить политический «management lag», сделать применение политических технологий более эффективным.

Список источников

1. Авдонин, В. С. Полипарадигмальность в политической науке и нормативные теории / В. С. Авдонин // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 157–173.
2. Иногути, Т. Политическая теория / Т. Иногути // Политические исследования. – 2012. – № 3. – С. 123–140.
3. Исаева, К. В. Management lag: успевают ли социальное управление за высокими технологиями? / К. В. Исаева // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 4–14.
3. Хантингтон, С. Политический порядок в изменяющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : Прогресс – Традиция, 2004. – 480 с.
4. Шестопал, Е. Б. Элита и общество как политические акторы в постсоветской России / Е. Б. Шестопал // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 35–43.

А.В. Сычков, студент

*Научный руководитель – Н.Ю. Веремеев, кандидат политических наук
БГЭУ (Минск)*

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ XXI ВЕКА

Национальное государство – это многоплановое понятие, которое характеризует эмерджентность и неразрывную связь правительственной организации и нации в их совместной деятельности; это особая форма суверенного политического образования, которая представляет интересы населения, идентифицирующего себя как единое сообщество. В данном случае, население можно считать относительно однородным на государственном уровне, даже если существует разнообразие на более низких уровнях социальной и политической организации. Активное выражение чувства идентичности и единства с согражданами необходимо для формирования эффективной и легитимной политической системы, которая основана на принципах взаимного уважения и верховенства закона.

Понятие национального государства используется для обозначения государства, которое пытается продвигать единую национальную идентичность, часто начиная процесс унификации с национального языка, правительства и экономической системы. Процесс унификации не подразумевает расширения влияния политических элит на группы меньшинств в обществе, наоборот – он способствует достижению общенационального консенсуса и проведению эффективной и справедливой политики.